

Я изучаю язык

Когда я пришел в себя, то взглянул на Солу, которая присутствовала при этой встрече, и был поражен, заметив какое-то странное выражение на ее обычно бесстрастном лице. Я не знал, что она думает, так как до сих пор мало изучил язык тарианцев; моих познаний хватало только для удовлетворения повседневных потребностей.

Когда я дошел до входа в наш дом, меня ожидал странный сюрприз. Ко мне приблизился воин, держа в руках оружие, амуницию и все принадлежности подобного рода. Он вручил все это с нечленораздельными словами и с выражением уважения и угрозы одновременно.

Позднее Сола, с помощью нескольких других женщин, переделала все это под мои меньшие пропорции и после того, как она закончила, я стал выходить на улицу, облаченный в военные доспехи.

С этого Сола начала посвящать меня в тайны обращения с разным оружием, и я вместе с юным тарианцем тренировался на площади по несколько часов ежедневно.

Мое обучение двигалось достаточно быстро, так как мое знакомство с подобным видом оружия на земле, превращало меня в необыкновенно способного ученика, и я делал большие успехи.

Моим обучением и обучением юного тарианца руководили исключительно женщины, которые занимаются не только обучением молодняка военному искусству, но одновременно являются мастерами, производящими все изделия промышленности, употребляемые зелеными. Они изготавливают порох, патроны, огнестрельное оружие – одним словом, все, обладающее какой-либо ценностью, производится женщинами.

Во время войны из них формируется часть резервов и, в случае необходимости, они сражаются даже с большим умением и жестокостью, чем мужчины.

Мужчины совершенствуются в более сложных вопросах военного искусства – в стратегии и маневрировании большими войсковыми частями. Вырабатывают законы по мере необходимости, новый закон по поводу каждого нового казуса. Обычаи передаются путем повторения из века в век, но наказание за нарушение обычая определяет в зависимости от индивидуальных обстоятельств, и я могу сказать, что правосудие редко делает промах и только в исключительных случаях нарушает приоритет закона. По крайней мере, в этом, тарианцы счастливый народ – у них нет адвокатов.

Я не видел пленницы в течение нескольких дней, последовавших после нашей первой встречи, а потом видел ее только мельком, когда ее вели в большую приемную, где произошла моя первая встреча с Лоркас Птомелем.

Я не мог не заметить резкости и грубости, какие проявляла по отношению к ней стража, и которые были так отличны от почти материнской мягкости, с которой относилась ко мне Сола. Когда я видел пленницу, мне удалось уловить, что она перекидывалась парой слов со своей стражей, и это убедило меня, что они могли говорить друг с другом или, по крайней мере, при помощи какого-то общего языка достигнуть взаимопонимания. С этим новым знанием я довел Солу, почти до сумасшествия своими навязчивыми просьбами ускорить мое обучение, и через несколько дней настолько овладел языком, что был в состоянии довольно сносно поддерживать разговор и понимал все то, что слышал.

В нашем доме, кроме Солы, ее питомца, меня и Вулы, жили еще три или четыре женщины с двумя недавно вылупившимися юнцами. После того как они уходили спать, взрослые, прежде

чем разойтись, в течение некоторого времени вели беспорядочную беседу, теперь я мог понимать их язык, внимательно слушал, хотя сам никогда не издавал ни звука.

В ночь, последовавшую за посещением пленницей приемной залы, разговор, в конце концов, коснулся этой темы, я превратился в слух. Я боялся спрашивать Солу о прекрасной пленнице, так как не мог не помнить того странного выражения, которое заметил на ее лице после моей первой встречи с заключенной. Означало ли оно ревность, я не мог бы сказать, все же, судя по земным меркам, я находил более благоразумным проявлять полную индифферентность в этом вопросе до тех пор, пока не выясню отношение Сола к предмету моего интереса.

Саркойя, одна из пожилых женщин, которая делила с нами кров, присутствовала в качестве стражницы при аудиенции и все обратились к ней:

- Когда, - спросила одна из женщин, - мы насладимся агонией этой краснокожей? Или Лоркас Птомель Джед намерен держать ее ради выкупа?

- Они решили отвезти ее с нами в Тарк и там предать ее смертным мукам во время великих игр перед Тал Хаджусом, - ответила Саркойя.

- Каким образом это произойдет? - спросила Сола. - Она очень миниатюрна и очень красива. Я надеялась, что ее будут держать ради выкупа.

Саркойя и другие женщины недовольно заговорили при проявлении слабости со стороны Сола.

- Очень жаль, Сола, что ты не родилась на миллион лет раньше, - фыркнула Саркойя, - когда все было наполнено водой и люди были столь же сговорчивы, как вещество, по которому они плавали. В наши дни такого рода чувства указывают на слабость и глупость. Было бы нехорошо для тебя обнаружить перед Тарс Таркасом подобное сострадание, сомневаюсь, что в таком случае он возложит на тебя серьезные обязанности матери.

- Я не вижу ничего дурного в моем отношении к краснокожей женщине, - возразила Сола. - Она никогда не приносила нам вреда и никогда бы его не принесла, если бы мы попали в ее руки. Только мужчины ее племени воюют с нами, и я иногда думаю, что их позиция по отношению к нам есть только отражение нашей по отношению к ним. Они живут в мире со всеми своими соседями, кроме тех, когда долг призывает их к войне, между тем, как мы не поддерживаем мира ни с кем, мы вечно воюем даже с подобными нам, равно как с красными людьми, и даже в наших собственных общинах мужчины бьются друг с другом. О! Все - один непрерывный ужасный поток крови, начиная с того момента, когда мы пробиваем скорлупу, и до тех пор, пока мы с радостью бросаемся в реку сокровенных тайн, в мрачную и древнюю Исс, которая уносит нас к неизвестному, но, по крайней мере, не более страшному и жуткому существованию. Счастлив действительно тот, кого встречает ранняя смерть. Говорите что хотите Тарс Таркасу, он не может выбрать для меня худшей участи, чем продолжение того ужасного существования, которое мы принуждены вести.

Эта неожиданная вспышка со стороны Сола так сильно удивила и оскорбила других женщин, что после коллективного выговора, сделанного в нескольких словах, воцарилось молчание, вскоре все заснуло. Этот эпизод, послужил мне на пользу, так как я убедился в дружелюбном отношении Сола к бедной девушке, а также удостоверился в том, что мне исключительно повезло, что я попал в руки Сола, а не других женщин. Я знал, что она хорошо относится ко мне, а теперь, когда я открыл, что она ненавидит жестокость и варварство, верил, что могу положиться на нее в устройстве моего побега и побега узницы, если только такое возможно.

Я даже не знал, были ли тут что то, ради чего стоило бежать, но я был готов поставить на

карту все, чтобы очутиться среди существ, созданных по моему подобию, чем оставаться дальше среди отвратительных и кровожадных зеленых. Но куда идти и каким образом – было такой, же загадкой для меня, как, начиная с сотворения мира, тысячелетние поиски вечной юности для земных людей.

Я решил при первой возможности довериться Соле, открыто просить ее помощи, и с этим твердым решением я растянулся на своих шелках и погрузился в тот освежающий и лишенный сновидений сон, каким спал на Таре.

На следующее утро я выбрался на улицу. Мне была предоставлена свобода, и Сола предупредила меня, что пока я не сделаю попытки покинуть город, я могу приходить и уходить, когда мне угодно. Однако она предостерегла меня, чтобы я не выходил безоружным, так как этот город, подобно другим покинутым, населен большими белыми обезьянами, с которыми мне пришлось столкнуться уже на второй день моих приключений.

Советуя мне не покидать пределов города, Сола объяснила, что Вула ни в коем случае не допустил бы это. Она настоятельно рекомендовала мне не возбуждать его гнева и не подходить слишком близко к запрещенной территории. Его характер таков, сказала она, что в случае послушания он вернул бы меня живым или мертвым, – «скорее мертвым» – добавила она.

В это утро я выбрал для своих исследований новую улицу и неожиданно очутился на краю города. Передо мной открылись низкие холмы, прорезанные узкими живописными лощинами. Я жаждал исследовать простирающуюся передо мной местность, и, подобно тем пионерам, от которых я происходил, увидеть ландшафт, скрытый окрестными холмами, а для этого было необходимо взобраться на одну из вершин, преграждающих мне горизонт.

Мне также пришло в голову, что это отличный способ испытать Вулу. Я был убежден, что животное любит меня. Я видел в нем гораздо больше признаков симпатии, чем в ком-либо другом из живых существ Тары, и был убежден, что благодарность за двукратное спасение его жизни перевесит его преданность долгу, наложенному на него жестокими бесчувственными хозяевами.

Когда я приблизился к городской черте, Вула поспешно побежал вперед и ткнулся своим телом в мои ноги. Выражение его морды показалось мне скорее просительным, чем свирепым, он не обнажал своих больших клыков и не издавал ужасных гортанных окриков. Лишенный дружбы в обществе себе подобных, я привязался к Вуле и Соле.

Нормальный человек должен иметь выход для своих естественных чувств, и я был уверен, что не разочаруюсь в своем расположении к этому большому зверю.

Я никогда не гладил его и не нежничал, но тут я присел на землю, обвил руками его мощную шею и начал поглаживать и ласкать, говоря с ним на обретенном языке, как разговаривал бы дома со своей собакой или с каким-нибудь иным другом из мира животных. Он реагировал на это самым неожиданным образом.

Разинув свою широкую пасть, обнажил весь верхний ряд зубов и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается шотландская овчарка, это даст вам представление о том, как исказилась морда Вулы.

Упав на спину, он начал валяться у моих ног. Потом вскочил, бросился на меня, причем опрокинул своей тяжестью, потом, вертясь и извиваясь передо мной, как резвый щенок, подставлял спину, чтобы я гладил ее. Я не мог устоять перед таким смешным зрелищем и, держась за бока, покатывался со смеху, впервые сорвавшегося с моих губ за множество дней.

Действительно, я смеялся в первый раз с того утра, как Дмитрий уезжал из лагеря.

Мой хохот испугал Вулу, его прыжки прекратились, и он с жалобным видом подполз ко мне, тычась безобразной мордой мне в колени. И тогда я вспомнил, что обозначает смех на Таре – муку, страдание, смерть! Подавив свою смешливость, я похлопал беднягу по голове и по спине, поболтал с ним немножко, а затем властным тоном приказал ему следовать за мной и, встав на ноги, двинулся по направлению к холмам.

Теперь между нами больше не было вопроса кто главный: с этого момента Вула был моим преданным рабом, а я его единственным повелителем. Через несколько минут я добрался до холмов, но не нашел там ничего особенно. По склонам вершин росло множество диких цветов, странной формы и великолепной окраски, а с вершины ближайшего я увидел лишь другие холмы, тянувшиеся к северу и вздымавшиеся гребень за гребнем, пока они не скрывались среди более высоких гор. Впрочем, впоследствии я узнал, что на всем Таре было несколько пиков, превышавших высоту в четыре тысячи метров.

Моя утренняя прогулка имела огромное значение, так как привела к дружбе с Вулой, на которого Тарс Таркас полагался, как на моего сторожа. Теперь я знал, что пленник в теории, практически я был свободен, и поспешил вернуться в город, прежде чем отступничество Вулы будет замечено его номинальными хозяевами. Я решил не переступать больше предписанных мне границ, пока не буду готов рискнуть всем, так как если бы нас поймали, это привело бы к ограничению моей свободы и, вероятно, гибели Вулы.

Вернувшись на площадь, я в третий раз имел случай взглянуть на пленную девушку. Она стояла со своими стражницами перед входом в приемный зал. Когда я приблизился, она отвернулась, смерив меня надменным взглядом. Это было сделано так по-женски, так по-земному, что хотя моя гордость была задета, сердце мое забилося чувством симпатии: мне было приятно встретить существо с инстинктами цивилизованного человека, хотя они и проявлялись таким обидным для меня образом.

Если бы зеленая тарианская женщина захотела выразить свое неудовольствие или пренебрежение, она по всей вероятности сделала бы это взмахом меча.

Но так как их чувства в значительной степени атрофированы, понадобилось бы много усилий, чтобы довести их до такой ярости. Должен добавить, что Сола была исключением. Я никогда не видел с ее стороны каких-либо жестоких поступков или вообще недостатка в приветливости и добродушии. Она, действительно, была, как говорил о ней ее тарианский кавалер, прелестной противоположностью, представительницей прежнего типа любимых и любящих предков.

Видя, что пленница является центром внимания, я остановился поглядеть, что будет. Мне не пришлось долго ждать, так как вскоре к зданию приблизился со своей свитой вождей Лоркас Птомель. Он приказал страже следовать за ним с пленницей и вошел в приемный зал. Я считал себя несколько привилегированной особой и был убежден, что воины не знают, что я понимаю их язык. Дело в том, что я просил Солу держать это в тайне, ссылаясь на то, что вынужден, буду разговаривать с людьми, прежде чем вполне овладею языком. Ввиду всего этого я рискнул войти в приемный зал и послушать, что там будет происходить.

Совет восседал на ступеньках эстрады, а перед ним внизу стояла пленница с двумя стражницами по бокам. В одной из женщин я узнал Саркойю и теперь понял, каким образом она могла присутствовать здесь на вчерашнем заседании, о результате которого она осведомила минувшей ночью население нашего дортуара. Ее обращение с пленницей было

резко и грубо. Держа ее, она впивалась своими недоразвитыми ногтями в тело бедной девушки или больно щипала ее за руку. Если нужно было перейти с одного места на другое, она бесцеремонно дергала пленницу или толкала ее перед собой. Она словно вымещала на одном несчастном беззащитном создании всю ненависть, жестокость и злобу своих девятисот лет, за которыми скрывались бесчисленные поколения злобных и свирепых предков.

Вторая женщина вела себя менее жестоко и казалась совершенно равнодушной. Оставшись под ее присмотром, как это, к счастью, и было ночью, пленница не страдала от грубого обращения, так как женщина вообще не обращала на нее никакого внимания.

Когда Лоркас Птомель поднял глаза, чтобы обратиться к пленнице, его взор упал на меня, и он с нетерпеливым жестом обратился к Тарс Таркасу и что-то сказал ему. Я не расслышал ответа Тарс Таркаса, но Лоркас Птомель улыбнулся и больше не удостоивал меня вниманием.

– Как тебя зовут? – обратился Лоркас Птомель к пленнице.

– Дея Торис, дочь Мориса Каяка из Гелиума.

– Зачем вы путешествовали? – продолжал он.

– Это была чисто научная экспедиция, посланная моим отцом, джедаком Гелиума, для изучения воздушных течений и для измерений плотности атмосферы, – ответила пленница низким приятным голосом. – Мы не были готовы к сражению, – продолжала она, – так как были заняты мирным делом, как это было видно по флагам и цветам нашего судна. Наша работа была столь же в ваших интересах, как и в наших, и вы отлично знаете, что если бы не наши труды и плоды наших научных изысканий, на Барсуме не было бы достаточно воздуха, чтобы мог существовать, хоть один человек. Веками поддерживали мы на планете количество воды и воздуха на одном и том же уровне почти без потерь, и мы делали это, невзирая на грубое и невежественное вмешательство ваших зеленых. Но почему, почему вы не хотите жить в мире и дружбе с вашими ближними? Неужели вы так и уйдете в века до вашего окончательного исчезновения, почти не поднявшись над теми животными, которые вам служат! Народ без письменности, без искусства, без домашнего уюта, без любви. Вы ненавидите, друг друга, как ненавидите всех. Вернитесь на путь наших общих предков, вернитесь к свету дружбе и добру. Дорога открыта, вы найдете в краснокожих людях готовность помочь вам. Совместными усилиями мы можем сделать гораздо больше для возрождения нашей умирающей планеты. Дочь величайшего и могущественнейшего из красных джедаков зовет вас! Откликнитесь ли вы на призыв?

Когда молодая женщина умолкла, Лоркас Птомель и воины долго молчали. Никто не может знать, что происходило у них в душе, но я уверен, что они были тронуты. Если бы среди них нашелся, хотя бы один, достаточно смелый, чтобы стать выше обычаев, эта минута определила бы для Тары начало новой и великолепной эры.

Тарс Таркас поднялся, желая говорить, и на лице его было такое выражение, какого я никогда не видел у зеленых воинов. Оно свидетельствовало о страшной внутренней борьбе с самим собой, с наследственностью, с вечной привычкой и, когда он раскрыл рот чтобы говорить, его мрачные черты вдруг осветились благожелательным, почти ласковым взглядом.

Но слова, готовые уже слететь с его уст, остались невысказанными, так как в этот миг какой-то молодой воин, сорвался со ступеней и нанес хрупкой пленнице страшный удар по лицу. Она упала на пол, а он, опершись на нее ногой, повернулся к совету и разразился диким и мрачным хохотом.

На миг я подумал, что Тарс Таркас убьет его, да и вид Тарс Таркаса и Лоркас Птомеля не предвещал для него ничего хорошего, но минутное настроение уже прошло, их исконная натура вступила в свои права, и они улыбнулись. Удивительно было уже то, что они не рассмеялись громко, так как поступок молодого воина представлял собой с точки зрения тарианского юмора необычайно тонкую остроту.

То, что я потратил время на описание этого происшествия, не значит, что я оставался хотя бы на секунду его пассивным зрителем. Мне кажется, что у меня появилось какое-то предчувствие, потому что я припоминаю, как пригнулся для прыжка в тот миг, когда удар лишь грозил прекрасному, с мольбой обращенному к совету лицу. И, прежде чем опустилась рука, я уже пробежал половину расстояния.

Не успел отвратительный смех замолкнуть, как я уже бросился на воина. Он был четырех метрового роста и вооружен до зубов, но думаю, что в охватившей меня безумной ярости я устоял бы против всех, находившихся в зале. Когда воин обернулся на мой крик, я подскочил и ударил его по лицу, когда он вытащил свой короткий меч, я выхватил свой и прыгнул ему на грудь, встав одной ногой на рукоятку его пистолета и, ухватившись левой рукой за один из его огромных клыков. При этом я начал наносить удар за ударом по его широкой груди.

Он не мог пользоваться своим мечом, так как я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и пытался сделать это, вопреки тарианскому обычаю, запрещающему защищаться оружием, какого нет у нападающего. Ему ничего не оставалось, как попытаться стряхнуть меня, но все его отчаянные старания не привели, ни к чему. Несмотря на свой огромный рост, он едва ли был сильнее меня, и через несколько мгновений безжизненной окровавленной массой рухнул на пол!

Дея Торис приподнялась на локте и испуганными глазами наблюдала за поединком. Очутившись на полу, я взял ее на руки и отнес на одну из скамей у стены зала.

Опять никто из тарианцев не помешал мне. Оторвав лоскут шелка от своего плаща, я попытался унять кровь, лившуюся у нее из носа.

Мне это вскоре удалось, так как ее повреждения оказались незначительными. Как только к ней вернулась способность говорить, она положила мне на плечо руку, и, заглянув в глаза, сказала:

– Почему вы это сделали? Вы, отказавший мне в простом внимании в первую минуту постигшей меня опасности! А теперь вы рискуете своей жизнью и убиваете одного из ваших ради меня. Я этого не понимаю. Что вы за странный человек, почему водитесь с зелеными, хотя с виду вы моей расы, а цвет вашего лица лишь немного темнее цвета белых обезьян? Скажите мне, человек вы, или больше, чем человек?

– Это странная история, – отвечал я, – и слишком длинная, чтобы я мог сейчас рассказать ее вам. Она мне самому представляется до того невероятной, что я не надеюсь, что другие ее поймут. Пока могу лишь сказать, что я ваш друг и, насколько позволят, держащие нас в плену – ваш защитник и слуга.

– Значит, и вы пленник? Но почему, же у вас оружие и регалии таркского вождя? Как вас зовут? Из какой вы страны?

– Да, Дея Торис, я тоже пленник. Меня зовут Алекс, и родом я из России на Земле. Почему мне разрешено носить оружие, мне неизвестно, и я не знал, что эти знаки на мне принадлежат званию вождя.

Наш разговор был прерван приближением одного из воинов, который нес оружие, амуницию и украшения, вмиг у меня в голове мелькнул ответ на один из вопросов, и была разрешена еще одна загадка. Я увидел, что эти вещи сняты с тела моего мертвого противника, и прочел в угрожающем и в то же время сдержанном взгляде воина, принесшего мне эти трофеи, ту же почтительность, какую раньше проявлял другой воин, принесший мне мое первоначальное обмундирование. Теперь только я узнал, что мой удар во время первого столкновения в приемном зале повлек за собой смерть моего противника.

Теперь объяснилось отношение ко мне моих хозяев. Я, так сказать, приобрел свои шпоры и, согласно суровой справедливости, отличающей тарианцев, и побудившей меня, помимо прочих причин, назвать Тару планетой парадоксов – мне были представлены почести победителя – амуниция и звание убитого мною врага. Я был настоящим тарианским вождем и, как впоследствии узнал, этим объяснялась предоставленная мне свобода и то, что мне позволяли остаться в приемном зале.

Когда я повернулся, чтобы принять вещи убитого воина, заметил, что Тарс Таркас и многие другие двинулись по направлению к нам. Глаза Тарс Таркаса с забавным недоумением разглядывали меня. Наконец он обратился:

– Вы говорите на языке Мусраба, удивительно бегло для человека, который всего несколько дней был глух и нем к нашим словам. Где вы изучили его?

– Это вы сами, Тарс Таркас, – ответил я, – предоставили мне эту возможность, дав удивительную, способную учительницу. Своими успехами я обязан Соле.

– Это она ловко сделала, – ответил он, – но ваше воспитание в других отношениях оставляет желать лучшего. Знаете ли вы, как бы поплатились за неслыханную дерзость, если бы вам не удалось убить обоих вождей, чьи знаки вы теперь носите?

– Полагаю, что в этом случае один из них убил бы меня, – улыбаясь, ответил я.

– Нет, вы ошибаетесь. Лишь вынужденный необходимостью самообороны тарианский воин решился бы убить пленника. Мы предпочитаем сохранять их для других целей, – при этом выражение его лица намекало на такие возможности, над которыми мне не было охоты задумываться.

– Но одно еще может спасти вас, – продолжил он, – если бы, во внимание к вашей удивительной доблести, боевому пылу и ловкости, вы были признаны Тал Хаджусом достойным служить у него, вы были бы приняты в общину и сделались бы полноправным таркцем. Пока мы не достигнем резиденции Тал Хаджуса, вам будут оказываться почести, принадлежащие вам по вашим подвигам. Такова воля Лоркас Птомеля. Мы будем обращаться с вами, как с таркским вождем, но вы не должны забывать, что все равно наши вожди ответственны за вашу благополучную доставку к нашему могущественнейшему и жесточайшему повелителю. Я кончил.

– Я выслушал вас, Тарс Таркас, – ответил я. – Как вы знаете, я не уроженец Мусраба. Ваши пути – не мои пути, и я могу действовать в будущем лишь так, как действовал до сих пор, то есть в согласии с велениями своей совести и принципами моего племени. Если вы оставите меня в покое, я никогда не трону никого, если же нет, то пусть каждый мусрабец, с которым мне придется иметь дело, уважает мои права чужестранца, или пеняет сам на себя. В одном вы можете быть уверены: каковы бы ни были ваши окончательные намерения по отношению к этой несчастной молодой женщине, кто посмеет обидеть или оскорбить ее, должен будет

считаться со мной. Мне известно, что вы презираете всякие проявления мягкости и великодушия, но я не могу сказать о себе того же, и я берусь доказать самому доблестному из ваших воинов, что эти качества вполне совместимы со свойствами хорошего бойца.

Даже Тарс Таркасу, по-видимому, понравился мой ответ, хотя он отозвался на него достаточно загадочной фразой:

- А я думаю, что знаю Тал Хаджуса, джедака Тарка.

Теперь я посвятил свое внимание Дее Торис, помог, встать ей на ноги, и направился с ней к выходу на виду у растерявшихся стороживших ее гарпий и под вопросительными взглядами вождей. Разве я сам теперь не был таким же вождем! Ну, что же, я готов был принять на себя ответственность. Никто не остановил нас, и вот Дея Торис, принцесса Гелиума, и Алекс землянин, вместе с верным слугой Вулой, вышли при гробовом молчании из приемного зала Лоркас Птомеля, джеда мусрабских тарков.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/488134>